

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Т.П. Хлынина

**«АДЫГЕЙСКОЕ ДЕЛО»:
ТРИ ВЕРСИИ ОДНОГО СОБЫТИЯ**

*Доклад на пленарном заседании
Международного симпозиума
«Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны»*

(Воркута, 17–19 октября 2013 г.)

Сыктывкар–Воркута 2013

УДК 930.2:325.254.6(470.621)(063)

Хлынина Т.П. «АДЫГЕЙСКОЕ ДЕЛО»: ТРИ ВЕРСИИ ОДНОГО СОБЫТИЯ. Доклад на пленарном заседании Международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар; Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.

Публикация посвящена анализу различных обстоятельств и механизмов формирования так называемого «Адыгейского дела» – дискредитации и уничтожения руководства Адыгейской автономной области в 1937–1940 гг. В ней показывается как на основании одного и того же комплекса источников рождаются его различные историографические образы.

Научный редактор д.и.н. И.Л.Жеребцов

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), М.В. Таскаев (зам. председателя), И.О. Васкул, Н.М. Игнатова, Л.А. Максимова, Д.И. Пинаевский, М.Б. Рогачев

Рецензенты

д.и.н. О.В. Золотарев

к.и.н. Д.В. Милохин

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

© Т.П. Хлынина, 2013

© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013

Пристальное всматривание в глубины ушедших столетий или еще в совсем недавно будоражащие сознание современников политические баталии нашего времени порождают самые различные отклики в среде профессионального сообщества. Будучи родовой особенностью истории как процесса познания недоступной нам реальности, это разнообразие довольно трудно для восприятия не только обыденным, но и профессиональным сознанием исследователя. В результате вместо заинтересованного обсуждения механизмов появления того или иного историографического образа мы становимся свидетелями ожесточенных и, по большей своей части, бесплодных дискуссий о выяснении степени достоверности и убедительности каждого из них. Пытаясь, вслед за поэтом, разобраться «из какого сора растут стихи, не ведая стыда», современный историк сталкивается с не меньшим многообразием строительного материала для событий прошлого. Оно включает в себя помимо привычного исторического источника и воображение исследователя, и уровень его общеобразовательной подготовки, и желание говорить с прошлым на языках современной ему и далекой от истории науки. Избавление от позитивистского нарциссизма, со свойственной ему завороченностью источником, происходит крайне медленно и неохотно. Тем не менее, как свидетельствует современный историографический опыт, исследовательские привязанности и пристрастия довольно зримо присутствуют на страницах исторических сочинений, привнося в прочтение одних и тех же источников различные (а порой и взаимоисключающие) смысловые коннотации.

То, как происходит рождение конкретных историографических образов, рассмотрим на примере изучения «Адыгейского дела». В распоряжении исследователя на сегодняшний день находятся архивные документы различной степени открытости: газетная публикация, написанная доктором исторических наук М.Х. Шебзуховым

[1], историческая повесть бывшего прокурорского работника области Ю.П. Бессонова [2], а также несколько публикаций автора [3]. Опираясь практически на сходные документы, но по-разному встраиваясь в поток породившего их времени, эти образы оказались итогом исследовательской артикуляции разных причинно-следственных связей, различной оценки роли и возможностей отдельных ведомств и организаций того времени. Предлагаемая вниманию читателя зарисовка рождения одного из историографических образов призвана показать, посредством каких «подручных» средств конкретные события прошлого получают авторское выражение, насколько они ангажированы общепринятой терминологией осмысления эпохи в целом и лично переживаемы историком.

Английский историк Р. Конквист назвал 1937 г. «годом большого террора в СССР», подчеркивая тем самым не только его масштабы, но и определенную значимость в политической жизни страны. Скорее всего, в этом обозначении была определенная логика, оправданная ходом развития трагических событий того времени и отражающая намерения автора передать читателю драматизм и напряжение пика репрессий. Однако у удачно найденной метафоры оказалась долгая и вполне успешная профессиональная жизнь. Она не только органично вошла в категориальный дискурс отечественной историографической практики, но и обрела статус исторической реальности. Именно с 1937 г. современной историографией связывается пик террора, после которого его размеры несколько сократились.

О роли метафоры в научном исследовании, ее гносеологических возможностях и оправданности применения в анализе прошлого отечественные исследователи практически не задумывались, полагая ее в большей степени территорией и областью изучения филологии. Тем не менее она всегда негласно присутствовала на страницах исторических сочинений, откуда в советский период безжалостно изгонялась как признак «личной пристрастности и ангажированности» историка. Современная историография в этом отношении оказывается более терпимой и открытой к различного рода интертекстуальным транзакциям, хотя, как и прежде, полагает их лишь элементом повествовательной стратегии передачи прошлого. Вместе с тем, как и в случае с «большим террором», метафоры реифицируются и обретают самостоятельное существование, зачастую подчиня ему реалии изучаемого прошлого.

Для современной отечественной историографии проблема массовых репрессий и террора в отношении отдельных социальных категорий и групп граждан складывалась далеко не просто. Сложность ситуации заключалась не только в официальном статусе исторической науки, длительное время обслуживавшей идеологические потребности власти и выступавшей рупором достижений «страны победившего социализма», но и в сложившейся традиции исследовательской практики, где историк жестко ограничен в своих возможностях источником. При этом последний вплоть до недавнего времени рассматривался исключительно в качестве фотографического оттиска реальности прошлого. Следствием чего и оказался так называемый перестроечный парадокс, когда пионерами переосмысления нашего недавнего прошлого выступили не историки, ждавшие открытия архивов, а публицисты, более склонные к переоценке теоретических постулатов достигнутого. Коллеги, заставшие начальный этап демонизации советской истории, хорошо помнят и «правдинские пятницы», на страницах которых шло медленное возвращение к подлинным истокам социализма, и многочисленные дискуссии о жертвах сталинского произвола в «Огоньке» и «Новом мире». В них был невероятный эмоциональный накал, почти религиозное желание очищения и жажда правды. Но им не хватало главного – профессиональной основы, которая перевела бы все эти интуитивные прозрения в ранг рационального знания. Такой основой и стала публикация в конце 1980-х гг. в «Вопросах истории», академическом специализированном издании, переведенных на русский язык выдержек из исследования Р. Конквиста, посвященного массовым репрессиям в СССР.

Сейчас трудно сказать наверняка, что послужило причиной редакционного выбора, но он оказался поворотным в определении развития исследования самой проблемы. Репрессии 1920-х гг. против казачества, раскулачивание и всевозможные зачистки «неблагонадежного элемента» рассматриваются с тех пор как некая прелюдия к настоящей трагедии 1937 г. Между тем, что наиболее заметно просматривается по национальным образованиям, «большой террор» пришелся в них на период коллективизации, сопровождавшейся коренным переломом традиционного уклада жизни населения. Тот же Р. Конквист назовет ее «жатвой скорби». Однако в отличие от преды-

дущего его высказывания этой метафоре не удалось в полной мере покорить воображение отечественного исследователя.

1937-й год для северокавказских автономий ознаменовался репрессиями против советского и партийного руководства. Он принципиально не отличался от аналогичных процессов, идущих в русскоязычных областях, и преследовал те же самые цели. Вместе с тем в нем было и нечто особенное, связанное с изменением до тех пор неизблемой интернациональной политики советской власти. На это обстоятельство одним из первых обратил внимание американский исследователь Т. Мартин, задавшийся вопросом о природе советского государства, чья интернациональная риторика шла вразрез с практической деятельностью. По его мнению, СССР следовало бы назвать «империей позитивного действия, которая заключалась в создании национальных территорий, элит и культур» и до определенного времени относилась к «мягкой линии советского строительства». Затем, когда в 1930-х гг. потребовалась большая централизация с опорой на русский центр, национальная политика стала второстепенным фактором политической жизни страны. Однако к тому времени национальные окраины не только окрепли в экономическом отношении, но и превратились по многим вопросам советского строительства в политических оппонентов власти. Этнический террор как раз и призван был обезопасить власть от избыточного роста местного национализма [4].

Адыгейская автономная область одной из первых на Северном Кавказе завершила сплошную коллективизацию, покончила с неграмотностью подавлявшего большинства коренного населения, менее других была подвержена «засилью клерикального и иного враждебного элемента». Тем не менее ее судьба оказалась довольно типичной и повторила основные вехи многотрудного процесса «построения социализма в одной отдельно взятой стране». При этом несмотря на начавшиеся процессы обновления исторического познания в целом прошлое советской Адыгеи за редким исключением переосмыслению не подвергалось.

Наряду с массовыми чистками и лишением избирательных прав укрепление советского режима сопровождалось и показательными судебнополитическими процессами, которые в 1930-е гг. превратились в хорошо продуманные «воспитательные» мероприятия власти.

Основной их целью являлась борьба с идейными противниками правящей партии и советского государства, которые по мере укрепления позиций социализма внутри страны становились его «непримиримыми врагами». Подобные представления, нашедшие официальное закрепление в сталинской теории построения социализма в одной отдельно взятой стране, вылились на практике в физическую расправу над политическими оппонентами власти.

В ноябре 1930 г. начался процесс по делу промышленной партии, участники которой обвинялись в «связях с разведками империалистических государств и попытках свержения советского строя». В марте 1931 г. по той же статье были «разоблачены» члены «Союзного бюро меньшевиков». Основными врагами нового строя, своеобразной «пятой колонной мировой буржуазии» были объявлены представители старой интеллигенции и «буржуазные специалисты», которые могли бы, по мнению официальной власти, стать идейными вдохновителями сопротивления советам. С этой целью в городах была развернута широкая кампания по их дискредитации и вытеснению из общественной жизни. Наряду с ней в стране прошел целый ряд политических процессов, направленных на окончательное искоренение «организованной оппозиции»: были разоблачены сторонники так называемого «правого уклона» в партии (Бухарин, Томский, Рыков, Угланов), от которых пока потребовали лишь признания своих «серьезных политических заблуждений».

Однако фактический провал социально-экономического курса партии, вызванный им тяжелейший кризис хлебозаготовок и повальный голод в стране вынудили правящее руководство перейти к относительно умеренной политической линии. Решениями XVII съезда партии, состоявшегося в январе 1934 г., была провозглашена победа социализма в СССР, делался упор на внедрение элементов хозяйственного расчета «во все звенья экономики», намечались мероприятия по повышению материальной заинтересованности колхозников и рабочих в результатах собственного труда. Даже обозначилась тенденция к «реабилитации» лидеров оппозиции. Многие из них были возвращены из административных ссылок, назначены на ответственные советские должности. Постановлением ЦИК «О революционной законности», принятым в июне 1932 г., объявлялась частичная амнистия бывших кулаков.

Политическая оттепель продолжалась недолго. 1 декабря 1934 г. в результате террористического акта был убит член Политбюро и первый секретарь Ленинградского обкома партии С.М. Киров. Результаты этого убийства сказались немедленно на всех областях жизни советского общества. На места было разостлано письмо ЦК ВКП(б) «О последствиях событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова», которое напрямую связывалось с «троцкистско-зиновьевским заговором». В январе 1935 г. Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев были осуждены как политические преступники, а их сторонники подвергнуты судебным преследованиям. Но уже через год, проходя по делу «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», они были объявлены «врагами народа» и расстреляны. Сходная судьба постигла и лидеров «рабочей оппозиции».

На Северном Кавказе такого рода процессы приняли национальную окраску и вылились в начале 1930-х гг. в дела так называемого «Польского национального центра», греческого повстанческого движения и «Армянской националистической группы». В Адыгее поиск идейных противников режима принял достаточно традиционные для того времени формы и свелся к вычищению «контрреволюционного элемента». Так, 1 июля 1935 г. на заседании бюро областного комитета партии были заслушаны письмо ЦК ВКП(б) «Выводы из дела об убийстве Кирова» и информация об антипартийной контрреволюции в области. Сообщалось о целом «ряде вскрытых фактов: распространении зиновьевско-троцкистской литературы сетью ОКТА, наличии контрреволюционных троцкистских элементов в неполной средней школе и сельскохозяйственном техникуме, занимавшихся открытой контрреволюционной агитацией в Красногвардейском районе». Обращалось внимание на наличие контрреволюционного троцкистского элемента в областной прокуратуре [5].

Несколькими месяцами ранее бюро рассмотрело вопрос о «контрреволюционной зиновьевско-троцкистской вылазке в типографии им. Лиманского», где «сознательное протаскивание троцкизма имело место в газете “За социалистический транспорт” – органе политотдела Северокавказской железной дороги». Контрреволюционная выходка заключалась в замене фразы «контрреволюционная зиновьевско-троцкистская группа» фразой «троцкистско-ленинская группа». По данному факту был снят с работы секретарь парторга-

низации типографии, которому в течение двух лет запрещалось заниматься ответственной партийной работой [6].

Следует отметить, что указанные формы «идеологической диверсии» наследовали распространенному в конце 1920-х – начале 1930-х гг. обвинению в причастности к так называемым контрреволюционным кулацко-вредительским группировкам. В 1934 г. в области, по сообщению начальника областного отдела ОГПУ Мартынова, только на территории Шовгеновского района в аулах Пшизов, Хатажукай, Кошехабль и Красногвардейского района на хуторе Догужиев действовало несколько контрреволюционно-кулацких группировок [7]. Участники одной из них, «пшизовской группировки», среди которых находился и председатель аульного совета, «за вредительские действия, выразившиеся в разложении колхоза» были приговорены к 10 годам лагерей [8].

В 1935 г. началась широкомасштабная сверка партийных документов, в которой активное участие принимали не только партийные органы, но и НКВД. По ее итогам многие старые большевики были исключены из партии, подвергнуты аресту, сняты с занимаемых должностей. По данным, приводимым М.Х. Шебзуховым, с июня 1937 г. по июль 1938 г. «в партийных организациях Краснодарского края были исключены из партии 2500 человек, из них 1115 человек, то есть 44%, исключены с мотивировкой “враг народа”» [9]. В свою очередь Ю.П. Бессонов на начало 1930-х гг. только по Адыгее приводит факты исключения «двух станичных партийных организаций, фактически извращавших политическую линию партии, не согласных с методами коллективизации» [10]. Вместе с тем И.В. Сталин, понимая необходимость передышки в процессе нагнетания классово-истерии, инициирует всенародное обсуждение новой Конституции СССР. Конституция 1936 г., получившая название сталинской, по формальным признакам и декларировавшимся в ней правам советского человека оказалась весьма демократичной. Однако трагедия заключалась в том, что на фоне этого официального демократизма разворачивались беспрецедентные по своему масштабу репрессии.

Логическим завершением политики ужесточений стал 1937-й год, вошедший в историю страны как самая страшная страница ее политического прошлого. Современные специалисты по-разному оценивают конкретные причины и механизмы развертывания репрессий,

роль в них отдельных ведомств и руководителей. Не является исключением в этом отношении и «адыгейское дело» – дискредитация, арест и уничтожение руководства области. Непосредственным поводом к репрессиям в отношении руководства Адыгейской автономной области послужило дело первого секретаря Северо-Кавказского, а затем и Азово-Черноморского крайкома партии Б.П. Шеболдаева. Обвинения, выдвинутые в его адрес, сводились к стандартным формулировкам, главными из которых являлись провал политического курса партии и пособничество ее идейным противникам. 2 января 1937 г. ЦК ВКП(б) принимает решение «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) т. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)». В соответствии с ним постановлением VII пленума крайкома Б.П. Шеболдаев был отстранен от занимаемой должности, переведен на работу в Курскую область, затем арестован и расстрелян.

По версии М.Х. Шебзухова, именно это решение повлекло за собой «в партийных организациях края... очередной бум разоблачений, тон которому задавали представители крайкома нового состава. По решению VII пленума краевого комитета партии ответственные работники выехали в низовые парторганизации с целью доведения и разъяснения итогов работы комиссии Андреева» [11]. По мнению Ю.П. Бессонова, события 1937 г. в области были целиком подготовлены и осуществлены органами НКВД, в результате деятельности которых «возникла националистическая повстанческая организация», в вину которой вменялась «попытка свержения советского строя на территории социалистической Адыгеи» [12]. Вместе с тем им высказывается и небезосновательная мысль о том, что «непосредственный повод к развертыванию репрессий дали прошедшие в январе и феврале 1937 г. пленумы обкома партии» [13]. Воспользовавшись их итогами, местные чекисты при поддержке краевого руководства НКВД приступили к запланированной расправе над руководителями области.

Представляется, что обе версии, несмотря на их солидное источниковое подтверждение, абсолютизируют роль как отдельных участников этой драмы, так и представляющих их ведомств. К сожалению, на сегодняшний день подавляющее большинство документальных свидетельств, относящихся к событиям того времени и, прежде всего

репрессивным действиям власти, недоступны исследователям. Многие из них переданы в архивы ФСБ, что делает их практически недосягаемыми для «рядового» исследователя. Тем не менее введенный в научный оборот архивный материал, уже имеющиеся исследовательские наработки позволяют воссоздать следующую картину возникновения и ликвидации «адыгейского дела».

Вероятнее всего, его формирование следует отнести к началу 1930-х гг., т.е. к моменту явной смены вех в национальной политике советской власти. Именно тогда, с подачи знаменитого письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» начинается постепенно восстанавливаться позитивный образ дореволюционного национального прошлого, а также получает свое идеологическое обоснование идея русского превосходства в его развитии. На практике проявлением указанных изменений становится более пристальное внимание центрального руководства страны к кадровым назначениям и передвижениям в национальных регионах, выполнением в них плановых заданий и первоочередных политических задач. Наряду с широкомасштабной коренизацией и выдвижением националов в органы местной власти, разворачивается негласная кампания по приведению национальной элиты, в том числе и аппаратных работников, в соответствие с новыми целями национальной политики.

Начинается процесс формирования новой разновидности советской номенклатуры – людей, преданных не столько советскому режиму, сколько лично И.В. Сталину. Одной из основных помех в этом многотрудном деле оказались национальные особенности властных структур на местах: повсеместное сохранение родственных и клановых связей, препятствовавших решению тех или иных задач, наличие «групповщины», нередко переходящей в сведение личных и семейных счетов между руководящими работниками. Тем более что сведения о них поступали довольно исправно в высшие органы государственной власти и ЦК ВКП(б). Представляется, что изначальной целью репрессивных акций в национальных образованиях являлось стремление центра разрушить этот властный непотизм и заменить его более гибким механизмом «личной преданности вождю». Не менее болезненной оставалась и проблема «русского фактора» в формировании управленческого аппарата национальных автономий, которую отводилась далеко не последняя роль в стабилизации внутренней

ситуации на местах. Однако по мере реализации поставленных задач они уточнялись, сообразовываясь с конкретными обстоятельствами, претерпевали соответствующие изменения и зачастую производили впечатление иррациональных действий власти.

В Адыгее, как и в других северокавказских автономиях, формирование областного аппарата управления происходило с учетом национальной специфики ее населения. Так, с момента образования области по 1931 г. председателем президиума областного исполкома являлся Ш.-Г.У. Хакурате, с 1932 г. возглавивший партийную организацию ААО. Меньшая кадровая стабильность наблюдалась в обкоме партии, что, вероятнее всего, было связано с необходимостью «постоянного укрепления большевистской сознательности населения страны». Именно с этой целью наиболее опытные партийные функционеры перебрасывались с одного участка работы на другой. В 1931 г. от занимаемой должности первого секретаря Адыгейского обкома был освобожден А. Цехер в связи с его избранием секретарем Дагестанского комитета ВКП(б). Такая практика создавала ряд неудобств, в частности, порождала в глазах местного населения весьма устойчивый образ «пришлого партийца»: если исполнительная власть по своему личному составу была «своей», то партийная – «чужой», навязанной «сверху», что не могло не порождать конфликтов между различными ветвями власти. С 1922 по 1937 г. в Адыгее сменилось шесть секретарей обкома партии, причем все они, за исключением Ш.-Г.У. Хакурате, оказались «пришлыми».

Рядом исследователей высказывается предположение о том, что фабрикация так называемых «национальных дел» своим источником имела «далеко идущие амбиции национальных элит». В частности, Ю.П. Бессоновым отмечается факт постановления Ш.-Г.У. Хакурате перед Москвой вопроса об организации республики, «низкую численность коренного населения которой планировалось компенсировать за счет приглашения зарубежных адыгов из Турции и Ближнего Востока» [14]. Архивные источники, относящиеся к 1930-м гг., содержат весьма невнятные и, по большей своей части, глухие ссылки на такого рода факты. Упоминание о них, без прямого указания на Ш.-Г.У. Хакурате, содержится в ряде донесений краевого ОГПУ, что вполне могло быть связано и с отзвуками давней дискуссии, происходящей на начало 1920-х гг. и вызванной различными проектами

образования автономной области. Тем не менее подобные «слухи» достаточно активно циркулировали по краю, о них не могли не знать в Москве и со временем использовать по назначению.

Более того, время от времени в адрес руководства области поступали обвинения в «пособничестве врагам партии и народа». Так, в июне 1933 г. на первой краевой партконференции прозвучала резкая критика Ш.-Г.У. Хакурате, «под руководством которого в Адыгейской области долгое время орудовали “враги народа”, который возглавлял всех этих врагов, давая им установки» [15]. Последовавшие за нею чистки и разоблачения «врагов» в области, скорее всего, не удовлетворили ни центр, ни крайком. В складывавшейся ситуации вполне вероятно предположить, что в отношении первого секретаря Адыгейского обкома партии действительно планировались какие-то, возможно, и силовые меры. Однако его преждевременная кончина внесла в эти планы определенные коррективы. В 1935 г. после смерти Ш.-Г.У. Хакурате первым секретарем обкома партии стал А.В. Мовчан. Его назначение не вызвало особого одобрения в рядах руководства областной парторганизации, сплоченного авторитетом Ш.-Г.У. Хакурате. Как показало последующее развитие событий, данный факт сыграл свою негативную роль в сравнительно быстром разгроме и «идейном разоружении» коммунистов области.

В январе 1937 г. состоялся пленум обкома, на котором обсуждалось постановление крайкома партии «Об ошибках секретаря крайкома Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве краем» [16]. Пленум прошел в отсутствие первого секретаря А.В. Мовчана и не предвещал ничего неожиданного. Между тем, как свидетельствуют материалы следующих февральского и ноябрьского пленумов, развернувшаяся на нем дискуссия свелась к критике стиля руководства А.В. Мовчана, что незамедлительно было расценено крайкомом как «сведение личных счетов и засилья групповщины в парторганизации области».

31 января бюро крайкома ВКП(б) приняло постановление по Адыгейской областной парторганизации, которая «по факту разоблачения буржуазно-националистической группировки, вскрытой крайкомом ВКП(б), не довела до конца дело разгрома и выкорчевания врагов партии и народа, троцкистско-бухаринских фашистов, вырождков – буржуазных националистов». А уже 5–6 февраля, по инициати-

ве и под давлением крайкома, состоялся внеочередной пленум обкома, на котором принимается следующее решение: «Признать грубой политической ошибкой предьявление Мовчану ряда необоснованных политических обвинений в его отсутствие, поддержанного беспринципной политической группировкой, которая договорилась между собой вести линию на снятие Мовчана с поста первого секретаря Адыгейского обкома партии... Отменить решение 7 пленума обкома как неправильное и политически вредное, не мобилизующее большевиков Адыгеи со всеми врагами партии и народа». Наряду с принятым постановлением был освобожден от занимаемой должности и переведен в распоряжение крайкома второй секретарь обкома С. Багов, сняты с занимаемых постов первый секретарь Шовгеновского райкома Теуважуков, начальник областного земельного управления А.А. Неуч, выведен из состава кандидатов в члены бюро и пленума обкома заведующий облоно И.Х. Барон [17].

5–6 марта 1937 г. на заседании бюро Адыгейского обкома ВКП(б) было еще раз заслушано постановление крайкома партии «Об ошибках секретаря крайкома Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве краем». В ходе его обсуждения признавался ряд «серьезных» идеологических просчетов, допущенных не только в крае, но и в области. В итоге проработке подверглись многие секретари первичных партийных организаций, некоторые из них исключались из ВКП(б). Так, парторг одного из совхозов Кошехабльского района обвинялся в пособничестве «троцкистской агентуре»: в станционной газете была опубликована заметка с «явным сочувствием к разоблаченным контрреволюционерам, пропагандировавшим среди рабочих теорию о невозможности построения социализма в СССР». Вместе с тем осуждалась и его «политическая близорукость», выразившаяся в умышленной дискредитации политических основ советского строя. На одном из заседаний парторганизации им было сказано, что «сталинская Конституция и процесс контрреволюционного троцкистского центра являются абстрактным вопросом для рабочих» [18].

На том же заседании рассматривался и вопрос о заведующем областным отделом народного образования, а также директоре Адыгейского научно-исследовательского института И.Х. Бароне. Он обвинялся в «поддержке связи с контрреволюционером Хуажевым», впо-

следствии одним из основных обвиняемых по «адыгейскому делу», после «разоблачения которого как врага народа оказывал ему денежную помощь», а также с рядом иных «контрреволюционных элементов» области и растрате крупной суммы денег на «собственные нужды» [19]. Судьба И.Х. Барона, человека, безусловно, одаренного и широко образованного, оказалась весьма трагичной. В 1937 г. он был исключен из партии и арестован по обвинению в принадлежности к «буржуазно-националистической контрреволюционной организации» и в пренебрежительном отношении к адыгейской культуре и ее развитию [20].

Весь 1937 г. прошел в области под знаком идейного разоблачения «врагов народа и их пособников». Так, VIII партийная конференция, прошедшая с 22 по 28 мая 1937 г., отметила ряд серьезных ошибок и недочетов в работе обкома. В частности, указывалось на «притупление большевистской бдительности, беспечность и наличие в составе бюро ныне разоблаченных врагов народа – троцкистов и националистов Неуча, Барона и Схакумидова» [21]. В постановлении партконференции неоднократно говорилось, что «ряд членов пленума и бюро (Баракаев, Петуващ, Багов), оказавшись в плену буржуазно-националистических контрреволюционных троцкистских элементов, вели антипартийную практику в работе, которая выражалась в предварительном сговоре в своей группе, политических действиях за спиной обкома, и это привело к организации в самом обкоме беспринципной группы комбинаторов» [22].

В октябре 1937 г. областное бюро несколько раз рассматривало вопрос о публикациях в газете «Большевик», непосредственно посвященных «буржуазным националистам и их пособникам в области». В них указывалось, что «бюро обкома не сделало до конца вывод из решения бюро крайкома» от 31 января, «затянуло без всякого основания снятие с работы националистических приспешников». В частности, речь шла о «ставленниках врагов народа» – председателе облисполкома З.Ю. Баракаеве, заведующем областным финансовым отделом Меретукове, заведующем земельным областным отделом А.А. Неуче и их «приспешнике» И.Х. Бароне [23].

Начавшаяся кампания газетной истерии настойчиво подталкивала областное руководство к принятию радикальных мер: ими становятся идеологическое саморазоблачение «врагов народа» и их ис-

ключение из партии. В ноябре 1937 г. в соответствии с решениями ЦК и крайкома ВКП(б) был снят с работы первый секретарь Адыгейского обкома партии А.В. Мовчан «как не оправдавший доверия партии и не борющийся с буржуазными националистами и другими враждебными элементами». Вместе с ним «за потерю политической бдительности и связь с родственниками врагов народа» отстранялись от занимаемых должностей еще ряд членов пленума обкома: Багов, А.Х. Джаримов, М.З. Кунов, В.Д. Клименко, А.Д. Самарин, Зафесов и Чамокова [24].

Несколько ранее начались аресты руководителей области. Одними из первых были арестованы Ю.А. Шхалахов – военный комиссар области и З.Ю. Баракаев – председатель облисполкома, которым вменялась в вину «принадлежность к буржуазно-националистической организации, созданной и возглавляемой в 1922 году Хакурате и имевшей целью насильственное свержение советской власти на территории советского Кавказа». Впоследствии по тем же причинам было арестовано еще более 20 чел. По данным, приводимым Ю.П. Бессоновым, всего по так называемым первому и второму «адыгейским делам» были осуждены 15 и 13 чел. соответственно [25]. Все они, по замыслу следствия, являлись членами контрреволюционной организации, в преступные намерения которой входило не только подрыв устоев и свержение советской власти, но и присоединение области к одному из иностранных восточных государств.

Ее руководителями считались Ш.-Г.У. Хакурате, а после его смерти А.В. Мовчан, К.А. Мишуриев – директор майкопского консервного завода и И.А. Наврузов – директор областного музея. В результате их «преступных действий» в организацию были вовлечены З.Ю. Баракаев, А.А. Неуч, С. Багов, Ю.А. Шхалахов и С.А. Кадаш – секретарь парткомиссии обкома, «активизировавшие вражескую работу по прямым директивам антисоветского Азово-Черноморского краевого центра, возглавляемого Шеболдаевым». Вредительская деятельность «контрреволюционеров» заключалась в «подрыве сельского хозяйства, в насаждении классово чуждых элементов в руководстве и вербовке повстанческих кадров» [26]. Последнее обвинение в основном относилось к деятельности военного комиссара области по формированию полка «ворошиловских всадников», рассматривавшегося в качестве «армии будущего повстанческого движения».

Обращает на себя внимание, что среди привлеченных к уголовной ответственности и осужденных руководителей области оказались не только адыгейцы, но и еврей К.А. Мишуриев, русские – секретарь Красногвардейского райкома А.Л. Сурков, председатель Майкопского горисполкома М.Д. Писарев, председатель колхоза «Парижская коммуна» В.И. Овчаров. В литературе высказывается мнение, что «они просто были добавлены в дело, дабы не вызывать излишних разговоров о расправе над лучшими представителями адыгейского народа» [27]. В принципе не оспаривая его, хотелось бы подчеркнуть, что и сам механизм развертывания репрессий, и их масштаб коснулись всех без исключения народов области.

После 2–3 лет тюремного заключения, под воздействием пыток и угроз физической расправы практически все арестанты «сознались» в предъявляемых им обвинениях. В январе 1940 г. Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа вынес приговор осужденным по так называемому первому «адыгейскому делу», т.е. лицам, арестованным в 1937 г. Все они приговаривались к высшей мере наказания – к расстрелу. Однако несколько месяцев спустя, после подачи кассационной жалобы, мера наказания в отношении девяти человек была заменена 25 годами лагерей. А.В. Мовчан, З.Ю. Баракаев, К.А. Мишуриев, Ю.А. Шхалахов, С. Багов и А.А. Неуч были расстреляны.

Осенью 1940 г. прошел процесс над обвиняемыми по второму «адыгейскому делу», которые в основном были арестованы в конце 1937–1938 гг. Необходимость их ареста, вероятнее всего, связывалась с нежеланием «разоблаченных врагов народа» хотя бы частично признать свою вину, а также с приданием самому делу надлежащего размаха. Таким образом, создавалась видимость наличия в Адыгее разветвленной контрреволюционной организации, члены которой «проникли во все структуры советских и хозяйственных органов власти». Среди арестованных оказались секретари обкома А.Х. Джаримов и А.Т. Шаов, секретарь Тахтамукаевского райкома Т.Ш. Муратов, заместитель председателя облисполкома М.М. Мезужок, секретарь Кошехабльского райкома Ф.Х. Мавлюдова, секретарь Псекупского райкома Ш.Б. Багов, председатель совхоза «Парижская коммуна» В.И. Овчаров. Все они обвинялись в участии «в буржуазно-националистической организации, проведении вредительских акций

в сельском хозяйстве с целью вызвать недовольство трудящихся области, создании и вооружении кавказского полка» [28]. Мерой наказания для каждого из участников этого дела стало лишение свободы в виде 10–15 лет лагерей.

Дискредитация и физическое уничтожение областного руководства, получившее название «адыгейского дела», готовились не один год. Практически невозможно определенно и точно указать конкретную причину, приведшую к развязыванию этой трагедии. Представляется, что таких причин существовало по крайней мере несколько. Одна из них определялась общей установкой партии и правительства на формирование новой разновидности советской номенклатуры. Другая причина лежала в плоскости традиционного соперничества между двумя реальными институтами власти в стране – партийным аппаратом и органами внутренних дел, разногласия между которыми зачастую приводили к сведению ведомственных счетов в форме организации громких политических процессов. И, наконец, третья причина оказалась связанной с внутригрупповой борьбой в самой парторганизации области, принявшей характер оппозиции первому секретарю обкома А.В. Мовчану, что, собственно, и вызвало вмешательство крайисполкома и краевого управления НКВД.

Репрессии тяжело сказались на состоянии и последующем развитии области. По данным Ю.П. Бессонова, в 1930–1940-е гг. только среди ответственных работников Адыгеи их жертвами стали 261 чел. [29]. Однако помимо того что были уничтожены наиболее политически активные, образованные и думающие люди, террор на долгие десятилетия сковал общественную инициативу государственными рамками, породил атмосферу моральной растерянности, страха, способствуя проявлению далеко не лучших человеческих и гражданских качеств населения. Американская исследовательница Ш. Фицпатрик предприняла попытку «определить, как повлиял Большой Террор на повседневную жизнь и практику» подавляющего большинства людей того времени. В своем исследовании социальной истории России 1930-х гг. она пришла к выводу о том, что широкое хождение тогда получили доносы, беспринципность и всепоглощающее чувство самосохранения [30]. Их преодоление составило целую эпоху в жизни советского общества и по-разному проявлялось в последующие годы. Предпринятая попытка осмысления рождения

историографического образа «года большого террора» в одной отдельно взятой области позволяет понять, в результате каких исследовательских интенций, порождаемых не только содержательной глубиной источника, но и общим состоянием исторического знания, возможно различное прочтение и истолкование одних и тех же событий.

Источники и литература

1. Шебзухов М.Х. «Враги народа» // Советская Адыгея. 1998. 21 окт.
2. Бессонов Ю.П. «Адыгейское дело», 1937 год. Документальная повесть. Майкоп, 2003.
3. Хлынина Т.П. Психология «большого» террора, или «маленькие» страхи советского человека образца 1930-х гг. // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования. Материалы XVIII Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.) В 2 ч. СПб., 2005. Ч. 2. С. 253–257; Она же. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005; Она же. 1937 год в Адыгее: политические репрессии или «корректировка» правящего курса? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006. С. 112–114; Она же. В преддверии «большого террора»: борьба с контрреволюцией в Адыгее в начале 1930-х гг. и ее последствия // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: Материалы IV Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006. С. 107–112.
4. Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 143.
5. Хранилище документации новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ХДНИ ГУ НАРА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 32. Л. 63–64.
6. Там же. Л. 111.
7. Там же. Д. 28. Л. 97.
8. Там же. Л. 202.
9. Шебзухов М.Х. «Враги народа» // Советская Адыгея. 1998. 21 окт.
10. Бессонов Ю.П. «Адыгейское дело», 1937 год. Документальная повесть. Майкоп, 2003. С. 13.
11. Шебзухов М.Х. Указ. соч. С. 4.
12. Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 66–67.
13. Там же. С. 42.
14. Там же. 30.

15. Шебзухов М.Х. Указ. соч. С. 4.
16. Обращает на себя внимание факт отсутствия в фондах ХДНИ ГУ НАРА материалов именно этого пленума. Более того, он даже не отражен в описи дел, относящихся к 1937 г.
17. ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49.
18. Там же. Д. 51. Л. 88.
19. Там же.
20. АРИГИ в лицах (к 70-летию со дня создания). Майкоп, 1999. С. 12.
21. ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 2.
22. Там же. Л. 6–7.
23. Там же. Д. 53. Л. 304, 323.
24. Там же. Д. 49.
25. Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 4.
26. Шебзухов М.Х. Указ. соч. С. 5.
27. Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 41.
28. Там же. С. 66.
29. Там же. С. 102.
30. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 228–260.